

В объятьях сна

Филиппов С.К.

16+

Сергей Филиппов

В объятьях сна

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Филиппов С. К.

В объятьях сна / С. К. Филиппов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сборник, составленный из одной повести и уймы рассказов, проводит читателя в мир, где возможно всё. Каждая история по-своему оригинальна и несёт в себе тайный смысл. Как много загадок придётся разгадать каждому из нас, никто не знает, однако, прочитав этот сборник, вы научитесь разгадывать все сложные загадки в считанные секунды, поскольку всё необъяснимое раскрывается на раз-два, когда погружаешься в мир, где иначе просто и быть не может... На обложке фото LeandroDeCarvalho с сайта pixabay.

© Филиппов С. К., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Живой по завещанию	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Живой по завещанию

Был чудный осенний день, мистер Ганн смиренно сидел в своём кресле, вдыхая приятные ароматы, доносившиеся с кухни. Он не хотел с кем-либо говорить о своих достаточно грустных мыслях, но и не желал разговаривать в полном одиночестве, хоть уже давно не было моментов, когда это чувство отпускало его. Но его всё же сейчас могли услышать...

– Я готов. Знаю, что скоро меня не станет. Потом не станет и памяти обо мне, а возможно, и этого города. Города, с которым я провёл всю свою одинокую жизнь...

Старик приподнялся с кресла. Рука, трясаясь, потянулась, чтобы взять фотографию с рабочего столика. Мистер Ганн смотрел на неё, будто в последний раз, думая о том, как она юна и красива была в дни, когда сделали это фото. Невольно он вздохнул и отвёл взгляд.

– Даже не знаю, слышали ли хоть краем уха обо мне те, с кем я так и не увиделся, отдав жизнь городу?! Были где-то письма... Там были их имена... Надо будет найти, освежить память. Пока руки ещё не совсем немощны и способны писать. Жизнь прожита. Жалеть о сделанном поздно, но самое время задуматься, как много дел я не довёл до победного конца... Сколько всего не сделал...

– Мистер Ганн, ваш кофе уже готов! Сейчас допеку последние блинчики и жду вас к ужину!

Это был голос необычайной женщины! Она скрасила одиночество старика и не дала ему в полной мере почувствовать себя немощным. Эта была вторая женщина в жизни мистера Ганна, к которой в некой мере он хранил свою преданность.

– Хорошо, Джуди! Буду благодарен, если принесёшь ужин сюда! Сегодня нам с тобой придётся в пыли покопаться...

– Ладушки. Но, раз так, обязательно примите сегодня вечером ванну, а то будете чихать до посинения. Хорошо?

– Да уж, милочка, это вы верно подметили. Пыль – мой злейший враг в этом доме...

Не услышав в ответ ничего, кроме негромкого смеха, Форд Ганн погрузился в томные мысли о том, что будет с городом после его смерти и как этого избежать. В частности ему стало жалко мистера Гардена. Форд не мог не улыбаться мысли о том, как он заботится о своей дочке. Однако ему всегда было трудно помочь, так как Гарден почти никогда ничего не просил для себя... Под конец своих размышлений Форд подумал и о своей семье... Он пытался представить то, что в данный момент говорят о нём троюродные правнуки. И отчасти его мысли были верны.

Не так давно у дальних родственников Форда Ганна, Леона и Глэдис Эванс, зашёл разговор о семье. Однако это произошло вовсе не от желания изучать семейное древо, не от любви к родственникам и даже не от стремления воссоединиться с теми, о ком давно забыли. О, нет, брата и сестру интересовало совершенно другое...

– Так, то есть ты собираешься занимать целую комнату, но меньше платить за квартиру, потому что реже пользуешься ванной? Верно, Глэд?

– Если тебя не устраивает рациональный подход, братец, то можешь хоть завтра съезжать к любому родственнику, если хоть кто-то из них о нас помнит. У меня есть знакомый, готовый стать квартирьёщиком!

– Ну, спасибо, сестрёнка! Только не забывай, что платить он будет нам обоим, так как мы владеем этой квартирой поровну. Думаю, ты выпендриваешься из-за непогашенного кредита. Может, тебе стоит поработать на дядю Дэна, который приходил на твой шестой день рождения? Так и с кредитом разберёшься, и стоимостью арендной платы манипулировать не будешь. Даже есть шанс, что мужика себе найдёшь!

– Ему сорок, Леон, так что не смешно! Я тоже слышала кое о ком из родни, у кого ты бы мог подработать, но лет-то ему минимум в два раза больше, чем дядюшке...

– Ты о старикашке у черта на куличиках? Фанд, что ли, звать... Так он уже умер наверняка. Да и вряд ли нам о нём говорили без преувеличений. Даже и был ли он, спорный вопрос.

– Ой, ты гений наш... Хотя... Возможно, тут ты и прав. Мы же даже фамилии его не знаем. Так что... Кстати, как идут дела с продажей того барахла, что ты купил за «спасибо» и никак не уберёшь с кухни? Оно действует мне на нервы.

– Не меньше, чем твоя игра в экономиста, уж поверь... Завтра покупатель придет. Но цену пришлось сильно занизить, так что, в итоге, я заработал с этого от силы на ужин. Ха! Думаю, увидели бы нас с тобой родители, стали бы вновь выяснять отношения, спорить, в кого же мы такие инфантильные дураки...

– Это точно...

На следующий день пожилая сиделка зашла утром в спальню мистера Ганна и обнаружила в кресле его бездыханное тело. Поднос с дорогим сервизом выпал у неё из рук, и осколки разлетелись по комнате. Испугавшись, Джудит начала собирать фрагменты посуды, извиняясь перед стариком. И лишь через некоторое время снова осознала, что извиняться теперь не перед кем.

– Господь всемогущий!.. Мистер Ганн! – она трясла остывшее тело и сделала несколько несильных пощёчин, пытаясь привести его в чувство, но безрезультатно. Отчаявшись, сиделка попыталась нащупать пульс мистера Ганна, но лишь убедилась, что стоит перед мертвецом. Глядя его руки, она заплакала, чувствуя, что стала ещё более одинокой, чем была раньше. Однако спустя пару мгновений заметила свежий конверт, запечатанный накануне, а на нём лежала записка...

«Дорогая Джудит! Пишу Вам, поскольку хочу оградить Вас от некоего безумства, которое последует дальше... Вы дороги моему сердцу, отчего прошу отнести моё письмо мистеру Гардену. После того, как он его прочтёт, Вы получите десять тысяч долларов. Этой суммы должно хватить Вам на...»

Не дочитав записку, но поняв её общий смысл, Джуд сначала свернула листок и схватила письмо, собираясь уйти, но потом, всё же, дочитала послание, не найдя в непрочитанной части чего-то важного.

– Ну что ж, мистер Ганн!.. Вы, как всегда, проявляете себя как истинный джентльмен, – женщина всхлипнула и положила дрожащую руку на остывшее плечо мертвеца. – Я знала, что вы – честный человек, Мистер Ганн, и что на вас можно положиться. Думаю, мы увидимся с вами... Жаль, что не в Лас-Вегасе, но... – она смахнула слёзы и легонько кашлянула. – ...Но обязательно увидимся! Хоть десять тысяч... Лас-Вегас... Если мне крупно повезёт ТАМ... – указательный палец взметнулся в потолок, а после паузы резко устремился в пол. – То я окажусь ТАМ, но обо мне вам точно кто-нибудь расскажет! Прощайте, Мистер Ганн! Adieu!

Джудит взяла письмо и пошла к Гардену, который в это время сидел в своём маленьком кабинете без дела...

Гарден был добряком по натуре и старался ни во что не ввязываться, однако знатно повяз в долгах. Сегодня он по привычке подсчитывал убытки и думал, пора ли просить в долг у мистера Ганна.

Роясь в кипе бумаг, Гарден не заметил, как к нему вошла Джудит с письмом...

– Здравствуйте, мистер Гарден, – сказала она, заходя в его кабинет.

Гарден отвлекся от своих бумаг и прочей бухгалтерии и обратил внимание на пришедшую в его дом гостью:

– Джудит, я как раз хотел спросить у мистера Форда, мог бы я у него одолжить ещё немного денег...

– Он умер.

– Как умер?

– Как и все мы умрём... Благо, не от болезни, а от старости.

– И что же теперь?

Джудит передала письмо мистеру Гардену, а сама скрылась в дверях, попросив больше не задавать ей никаких вопросов.

Гленн был крайне озадачен этой ситуацией и начал читать письмо с лёгким тремором в руках.

Вкратце, в письме было описаны условия, при которых родственники мистера Форда могут тратить унаследованные от него деньги только в этом городке, под надзором Гардена.

Прочитав письмо, Гленн расплылся в улыбке и отправился обсудить ближайшее будущее со своей дочкой в ожидании приезда родственников Форда в город.

Сидя в самолёте, Эвансы рассматривали журналы, спрятанные в карманах кресел впереди сидящих пассажиров. От безделья они снова начали обсуждать предстоящее получение наследства от троюродного прадедушки. Глэд была уверена, что в этом есть некий подвох. Леон же считал наоборот, что всё замечательно – они приедут и побудут не более пары дней в городке, дабы разобраться со всеми юридическими вопросами. Остаток полёта он смотрел в окно, а Глэдис дремала в соседнем кресле.

Спустя несколько часов Гарден ожидал Эвансов в нотариальной конторе и удивлялся невероятно большому банковскому счету Мистера Форда. Ждать ему пришлось недолго, поскольку наследники уже как полчаса назад сошли с трапа самолёта и вовсю спешили... И спустя час они прибыли в город, вполне подготовленные к встрече с Гленном Гарденем.

Первым делом брат и сестра опознали тело дядюшки, лежащее в морге крематория, и буквально через пять минут были у нотариуса. Но их радость быстро сменилась озадаченностью. Гленн поведал им, что наследство они получают лишь при условии, что будут относиться к трупу их троюродного родственника, как к живому. Первой бурно отреагировала на эту новость Глэдис.

– Вы не имеете права, закон на нашей стороне. Нигде в мире нет такого, чтобы к мертвым относились как к живым.

– Да, вы правы, но здесь есть несколько нюансов. Во-первых, тот факт, что у него есть более близкие родственники, несмотря на то, что связь с ними была давно утеряна. Во-вторых, никто в городе не будет относиться к Форду, как к мертвому. Вы это сами скоро увидите.

– Да как это вообще возможно? – вступил в разговор Леон.

– Так и возможно... Даже я не считаю, что мистер Ганн мертв, ему просто очень плохо. Мы надеемся, что скоро он поправится, и нам всем будет гораздо проще. А пока вы можете тратить деньги только в его присутствии, поскольку принимаете на себя роль опекунов.

– Это абсурд! – одновременно воскликнули брат и сестра.

– Ну что же, пройдёмте на улицу, и вы убедитесь во всём сами, – с лёгкой усмешкой сказал Гарден.

Они вышли на улицу, где стоял человек во фраке, придерживая инвалидную коляску. На неё был усажен труп мистера Форда.

– Вот видите! Как я вам и говорил, – воскликнул Гленн.

После этой фразы человек во фраке ушёл, оставив коляску с трупом. Гленн подбежал к каталке и схватил её. Брат с сестрой подумали, что это просто цирк, однако, они либо не получают деньги вообще, либо будут принимать в этом цирке участие.

Первым решил войти в роль Леон.

– Ах! Наш милый дядюшка! Сколько лет, сколько зим, – говорил он, подходя к трупу.

Сестра всё ещё кривила нос и думала, как прекратить это абсурдное действие. Однако тоже подошла к покойнику и даже похлопала его по плечу, улыбнувшись. В конце концов Эвансы подписали документы. Когда они вышли на улицу, Гарден сказал, что Ганн предлагает отметить их встречу в баре. Причин отказываться не было.

В баре все здоровались с мистером Ганном, некоторые даже жали ему руку, и никто ни слова не вякнул про то, что он мёртв. Эта театральщина была по мозгам Глэдис, а её брат считал, что уже втянулся в эту игру, и даже обсуждал живость покойника так, словно Форд должен вскоре присоединиться к разговору.

Что же насчёт средств? Все они были на банковской карте, находившейся у надзирателя, Гардена. Напитки давали Эвансам и их предку, причём последнему давали самые дорогие, те, которые «он любит». Когда Леон потянулся за напитком трупа, Мистер Гарден резко ударил его по руке.

– В обществе никто не пьёт чужих напитков! За такое и схлопотать можно...

– Но он же всё равно их не выпьет! – по неосторожности сказал Леон.

– Это ещё почему?

– Не знаю, но он уже так с тремя напитками сделал, сами поглядите.

– Проблемы с печенью, наверное, в его-то возрасте... Ну, может, сам раздаст. Посмотрим.

Леон ударил себя кулаком по коленке, чтобы закончить изначально проигрышные дебаты с надзирателем. Ему было крайне обидно, что все делают вид, будто всё нормально.

Его сестра же в это время пыталась цапнуть себе пару на вечер. Глэдис подошла к художавому молодому парню, манерно держа бокал в руке.

– Привет! Почему стоишь один и не пьёшь? Хочешь, чего-нибудь закажу тебе?

Молодой человек отвернулся с таким выражением лица, словно увидел призрака.

– Эй, не отворачивайся! Что случилось? – продолжила Глэд, пытаясь развернуть к себе парня.

– Отстань! – сказал молодой человек, глядя в никуда. – У меня траур.

– Что-то произошло?

– Ничего, – ответил он ей и ушёл из бара.

Разочарованно вздохнув, Глэд повернулась к брату, и увидев, что все уже собираются уходить, грустно пошла за ними.

Мистер Гарден с Фордом отвели Эвансов к особняку. Дом был погружён во мрак, рядом не работал ни один фонарь. Мистер Гарден отпер ключом мистера Ганна входную дверь, все вошли внутрь.

– Да тут холод собачий! – воскликнул Леон.

– В целях экономии мистер Ганн приказал отапливать только свою спальню и гостиную – те комнаты, которыми пользуется, – пояснил Гарден.

– Беспредел! – возмутилась Глэд, по-хозяйски включая свет.

Под потолком зажглась тусклая лампа накаливания, не справляющаяся с мраком в помещении. Леон в тот момент с раздражением смотрел на Гардена, зажигавшего керосиновую лампу, причём одну на всех.

– Я отведу вас в ваши спальни. Пойдёмте.

Несмотря на эти слова, надзиратель, в первую очередь, направился в спальню Форда. Там он помог хозяину дома перебраться в его скромное ложе и пожелал хороших снов. Гленн проводил наследников в их спальни, указав на раскладушки, лежавшие в углах комнат вместе с постельным бельём.

– Спокойной ночи, – прокричал из коридора Гарден, хлопнув дверью.

Наследники жаловались на своё положение сами себе, кутаясь в тонкие одеяла и коченея от холода.

Утром Глэд и Леона разбудил запах свежеприготовленной пищи, выходивший из кухни. Это Гленн готовил завтрак на газу. Аромат яичницы выманил их из промёрзших постелей. Когда они пришли на кухню, мистер Ганн уже сидел во главе стола. Эвансы, последовав примеру надзирателя, присели за стол.

– Если будете что-то готовить, то учтите, что работает только газовая конфорка. В связи с экономией, конечно. Мистер Форд старается не транжирить свои средства, – пояснил Гарден. Новоприбывшие заметили, наконец, что напротив них уже сидел сам хозяин дома со своим завтраком.

– Понимаю... – сказал братец. – Тогда мы с нашим дедушкой могли бы сходить в какой-нибудь ресторан, чтоб и газ не тратить.

– Ну что вы, не стоит до обеда. Завтракают обычно в семьях все вместе. Разве вы не согласны?!

– Ну, да. – Леон не ожидал такого резкого ответа. – Тогда сделаете что-нибудь и для меня, а то я очень давно сам для себя не готовил...

– Безусловно... Сейчас поем и приготовлю порции для вас. Вы же всё-таки наши гости.

– Ой, тогда мне побольше бекона положите, – втянулась в беседу Глэдис.

– Хорошо. Но я пока не доел. Пожалуйста, потерпите пару минут... Чуть позднее я покажу вам ресторанчик, в котором уже с десяток лет ежедневно обедает ваш дедушка. Думаю, вы будете рады составить ему компанию, даже если меня рядом не будет.

После этих слов воцарилось недолгое молчание. Только был слышен звук пустеющей тарелки и тихие вздохи живых членов семейства. Когда же Гленн доел, Леон тут же спросил:

– А где этот ресторан находится?

– В двухстах метрах от дома. Так и быть, первый раз помогу вам его найти.

После скворчащая сковорода взяла лидерство по шуму на кухне, нарушая тишину. Брат и сестра готовы были поесть и уже не важно, где. За завтраком выяснилось, что спать в холоде не вариант для Эвансов. Так как брат не выспался, он даже потребовал после завтрака сделать ему хоть какого-нибудь кофе, но в итоге сделал его себе сам. А что же до его сестры, та и вовсе простудилась.

Не удержавшись, Леон собрался всё же самостоятельно взглянуть на ресторан и потащил за собой больную сестру. Ресторан стоял на самом видном месте, и отличить его было крайне легко. В основном там отдыхали рабочие после тяжёлого трудового дня, в иной сегмент заработка ресторана как раз таки и входило обслуживание Мистера Форда. Эвансы были гостями в городе, и охранник не впустил их даже после слов, что они родственники главного посетителя данной забегаловки – Форда.

Понурые ребята вернулись домой, где у входа стояли и ждали надзиратель и сам канувший дедок. Гленн ещё раз повторил правило использования счёта Форда, а после прошёл мимо них, катя перед собой инвалидную коляску.

– Идёмте, – послышалось после всех нотаций и упрёков. И в этот раз в ресторан пустили всех, включая гостей.

В этом ресторане на радость Леона тоже продавались спиртные напитки, под это даже была отведена отдельная стойка, за которой сидел мужик в шапке-ушанке. Леон быстро покинул компанию, чтобы не возникло претензий, как в прошлый раз.

Глэдис, в отличие от брата, была никакой и предпочла остаться в компашке с трупом и тем, кто верит или хочет верить, что это не труп. Она положила голову на стол, от чего её прямые волосы спускались с плеч так, будто были частью грандиозного водопада. Для неё заботливый Гарден заказал горячего куриного супа с гренками, а для себя и Форда – спагетти с тефтелями, краба и фруктовый чай «Пина колада».

Леон сел рядом с человеком в ушанке и заказал себе рюмку водки, однако его сосед ударил по столу и изрёк:

– Чтобы пить водку, надо иметь цель. Обычно это тосты, но тебе, я вижу, не за что пить, парень...

– Вы о чём, сэр? – Леон сразу понял, что к чему. Перед ним оказался не русский человек, но фанат русских. Таких людей он встречал крайне редко и не ожидал увидеть тут, но...

– Моя бабушка сражалась во Второй Мировой. Она была русских кровей, и эта кровь кипит во мне. Если ты хочешь спокойно уйти отсюда и пить дорогие коктейли, то дело твоё, но если ты останешься тут, то я предлагаю пари! – Глаза его горели, разжигая у Леона интерес к происходящему, – Суть пари заключается в том, что ты должен будешь без закуски переписать меня. Вот и всё.

Леон пожал ему руку, после чего тот достал две матрёшки из-под куртки, и им принесли три бутылки водки. Вкратце Леону объяснили, что закуска будет стоять рядом для проигравшего, который должен будет заплатить за всё. А чтобы победить, надо дойти от самой маленькой части матрёшки, походящей на стопку, до самой большой, в которой помещалось уж точно не меньше пол-литра. Всего предстояло пройти семь сегментов. Игра началась...

Глэдис почувствовала себя лучше после супа и с разрешения заказала для себя десерт. После небольших посиделок троица решила удалиться, чтобы прогуляться по парку и купить в аптеке немного лекарств, чтобы добить простуду, буйствующую внутри единственной дамы мужской компании.

Однако Глэд было немного противно и грустно, потому что о ней никто не заботился просто так. Она давно уже забила на поиски кавалера, но всё же одиночество удручало её. И из глаз на секунду потекли слёзы, заставившие её улыбнуться и даже немного посмеяться над своей глупой проблемой.

После третьей чарки у Леона проснулся азарт. Он упустил из виду своих знакомых, боясь проигрыша. Но даже азарт ему не помог. На шестой чарке он признал поражение. А после обнаружил, что его банковскую карточку здесь не принимают – пришлось расплатиться наличкой. Кошелёк Леона практически опустел...

Примерно в это же время с той же проблемой столкнулась и Глэдис, решившая оплатить косметику за свой счёт. Она случайно потеряла из виду Надзирателя с его «колесницей» и решила просто походить по городу. Но в итоге, ничего не купив, вернулась, как и её брат, обратно в особняк.

Всей четвёркой столкнулись они – родственники и Гарден – около особняка Форда, где случился неожиданный для Эвансов разговор.

– Мистер Форд немного огорчён, что вы столь мало времени проводите с ним, хоть и понимает, что с его стороны пока ничего сближающего не было проявлено. Поэтому он купил для всех нас билеты в театр. Правда здорово?

– Да. Просто превосходно... – совершенно без вдохновения пробубнил Леон.

– На что пойдём? – с неким интересом спросила Глэдис.

– Тут выбор не очень большой, спектакли идут не чаще, чем раз в неделю, так что взяли билеты на сегодня, на «Где кончается Я?», – кратко ответил Гарден.

Внезапно брат с сестрой переглянулись уставшими глазами и перешли на шёпот...

– Слушай, Гленн, к тебе есть дело...

– Ну-ка.

– Мы все втроём понимаем, что просто таскаем повсюду труп ради наследства. Так может, поделим деньги поровну? Или хочешь, бери на содержание города большую часть...

Надзиратель сильно смутился, услышав эти слова.

– Вы оба считаете, что это всё можно так просто решить? Нет, ну был бы ваш дед мёртв, мы бы просто отдали деньги ближайшим наследникам, а так мы общаемся с вами. Вы молоды и свободны от бремени потери времени, так что никто, кроме вас, не сможет придать Мистеру Форду такого заряда бодрости и жизненной энергии. И если не возражаете, больше к этому вопросу возвращаться не будем.

Глэдис всматривалась в труп и, казалось, уже начала видеть в нём проблески жизни. В то же время казалось, что она сама из-за некой болезненности эти же признаки жизни теряет.

До сеанса в театре оставалось два часа, и все решили чуть лучше одеться по такому случаю...

Все четверо ринулись в сторону театра... Глэдис всё ещё плохо себя чувствовала, но решила пойти со всеми.

Весь первый акт Глэд чесалась, ей было неудобно сидеть на месте, а тем более дожидаться антракта. Её насквозь пронизывало ощущение, будто она гниёт изнутри. После первого акта она перебралась в туалет и старалась привести себя в чувство, стоя перед зеркалом. На несколько секунд ей показалось, будто в отражении появилось лицо мервеца: старые седые волосы, бледная морщинистая кожа, ослепшие глаза и в целом неприглядный вид. Однако это ей просто привиделось. Леон решил, что это не что иное, как шизофрения, хоть и не знал всех подробностей безумства сестры.

По окончании антракта в зал вернулись все, кроме Глэд. Её брат мог ей только посочувствовать. После третьего звонка она всё ещё была в уборной и пыталась привести себя в чувство.

Во время представления Леон подумал, рассуждая с самим собой, как же точно спектакль передаёт жизнь, однако и жизнь не менее театральна. В эти одинокие рассуждения вмешался посторонний голос, уже не из головы, который возразил:

– Притворство есть жизнь, и лишь игра – театр.

Леон попытался найти говорящего, но попытка не венчалась успехом. Однако в этот момент подкралась Глэд и извинилась, сообщив, что собирается в клинику. Все отнеслись к этому с пониманием.

После театра уже совсем мужская банда решила отправиться в клуб. А Глэдис уже отсидела очередь, получила таблетки по страховке и пошла одна домой, в свою холодную постель...

В клубе было достаточно весело: Леон покупал напитки и приставал к каждой хоть сколько-нибудь симпатичной девушке, однако все его так или иначе отшивали. В то же время Мистер Форд имел большой спрос среди дам за счёт своих выдающихся качеств: знаменитости и молчаливости. Пара женщин тёрлась вокруг него, но лишь одной он «подарил поцелуй».

Надзиратель решил, что для Форда хватит, и предупредив Леона, что остальная выпивка уже за его счёт, ушёл с Фордом домой. Однако Леон уже ничего не понимал и первым же делом прокричал нечто вроде «Пируем все! Всем выпивку за мой счёт!»

Домой он притащился позже всех, по дому шёл на ощущение тепла. Так он набрёл на спальню покойного. По бокам кровати трупа стояли две постели поскромнее, по-видимому,

для них, как для гостей. «Всё же двум родственникам можно спать в одной комнате. Мы с сестрой постоянно так спали, пока не стало хватать денег на новое жильё. Хотя, их и не стало хватать в итоге. Но при переезде нам казалось, что всё изменится к лучшему» – думал про себя Леон. И после этих мыслей лёг спать.

Посреди ночи его разбудил тихий шёпот Глэд, обращённый к труп. Она была вся бледная, и голос её было не разобрать. Говорила она так долго и тихо, что Леон перестал замечать этот шёпот и вновь уснул.

На утро Глэдис и Леон бодро встретили Гардена, а затем они вчетвером пошли завтракать в тот же ресторанчик, где были вчера. Леон пил только воду и молча ел завтрак, а Глэд обсуждала с надзирателем, каким её троюродный дед был при жизни.

– Форд у нас человек высокого полёта, но живущий оседлой жизнью в связи с обстоятельствами, о которых принято спрашивать только лично... Он создал этот райский уголок чисто за счёт своего состояния. Все налоги идут ему, в виде платы за землю или что-то типа того. А он просто заново пускает в оборот деньги в разных местах, откуда они расходятся по рукам и так далее. Рабочая система. И главное, так он сохраняет почти все свои деньги при себе. Страшно представить, что будет с городом, если Форд коньки отбросит. Тьфу-тьфу-тьфу, – он постучал по дереву. – Собственно, поэтому вы и здесь.

Гарден также рассказал, что Форд был жизнерадостным, но немного жадным. Он устраивал в городе праздники, открывал новые жилые кварталы и строил рабочие дома, где люди могли и работать, и удовлетворять свои потребности. Однако, он не делал себя ни мэром, ни каким-то ещё правителем. Он просто организовывал жизнь в городке и поддерживал её, но последние пару лет усыхал вместе с самим городом. Часто впадал в депрессию и тщательно готовился к моменту своей смерти. Что было до начала строения мануфактур и жилых комплексов, надзирателю было неизвестно, поскольку сам он был среди «приезжих».

Завтрак подошёл к логическому завершению, все поблагодарили повара и отправились на прогулку в парк-заповедник.

Гленн сказал, что Форд любит охотиться в этом месте. Гарден вновь стал относиться к хозяину как к живому, что встревожило Глэдис. Она заметила, что он становится несколько неадекватен, когда верит в то, что Форд всё ещё жив. Несколько минут спустя Гарден приметил в зарослях оленя, на что и обратил внимание Эвансов. А затем застрелил животное из ружья, которое спрятал ранее за спину Ганна. Брат и сестра смотрели на подстреленного оленя глазами, полными ужаса, пока Гленн хвалил Форда за подстреленную дичь, жал ему руку и обнимал. После, он позвонил кому-то и сказал, чтобы из заповедника тушу отнесли на кухню. Они двинулись дальше, Леон отнял ружьё, попросив и надзирателя, и покойного не стрелять по животным во время прогулки.

Прогулка близилась к концу, и Леон с Глэд решили попросить надзирателя оставить Форда им двоим, чтобы прошвырнуться вместе по местному Молл-центру. Гарден не был против такого поворота и оставил тело под присмотром его родственников. Пара минут, и троица была уже совсем далеко от точки расставания, а Гленн топтался на месте, не зная, куда себя деть.

Эвансы понимали, что без тела им ничего не светит, поэтому с улыбкой везли полусгнившее мясо по торговому центру. Лицо Форда, покрытое опарышами, словно светилось от радости. У самого входа в торговый центр их окружили консультанты, предлагающие зайти именно в их магазин. Эвансы были счастливы и пообещали посетить каждый из магазинов. Консультанты медленно, но довольно разошлись. Трио решило посетить самый дорогой из известных им магазинов – «Elyts». В нём был лишь один продавец, и двигался он крайне размеренно,

словно перетекая из ёмкости в ёмкость. Он не обращал внимания на пришедших, пока краем глаза не заметил Коляску с Мистером Ганном.

Он мигом подбежал к инвалидной коляске, на которой тот располагался, и начал общаться с Фордом, как со старым-добрым другом.

– Чудно выглядите, Мистер Форд! Сбросили пару кило? Не вопрос, мы подберём вам одежду в самый раз к вашей стати. – он перешёл на шепот. – А кто эти двое? Родственники? Слышал-слышал...

Брат и сестра не отвлекали их и пошли смотреть ассортимент. Продавец же прихватил с собой мёртвое тело и начал предлагать ему разную одежду и оставлять только ту, что Форду «была по нраву». Несколько минут спустя продавец нагнал Эвансов и приказал им помочь их дедушке примерить новую одежду. Он отправил Леона и Ганна в примерочную, а Глэд стоять рядом и уносить те вещи, что плохо сидят на Форде.

Леон смотрел в лицо трупу, словно умоляя не покупать эти все вещи, хоть и понимал, что их отсюда так просто не отпустят. Сглотнув слюну, он просмотрел одежду, подобранную для Форда и остановился на трусах. Ступор и некоторая тревога.

– А ему точно понравились эти трусы, господин продавец?

– Однозначно! Хотя я и советовал немного другую модель.

Глэдис засмеялась в кулак, но на миг ей стало немного завидно брату. Мысль ушла, оставив за собой ужас и интерес. Крайне непристойный интерес к Форду. Она увидела, что продавец отвлёкся, и решила подсмотреть за братом и их дедом, чуть отдёргнув штормку.

Леон, надев петли с рукавов Форда на крючки для одежды с противоположных концов примерочной, добился того, что Форд висел, словно на распятии, и ноги его свободно болтались в воздухе. Штанов на Форде уже не было, но пах его был скрыт помимо белых тряпочных трусов головой Леона.

Глэд покраснела и села на пуфик напротив зеркала, коря себя в аморальности и непристойности. Однако, этот образ застыл у неё в голове. Словно брат молится телу. Она начала поневоле грызть свои ногти, хоть уже пять лет как отучилась от этой дурной привычки.

Леон вывез одетого Форда ко всем и спросил:

– Ну, как вам?

– Восхитительно!

– В пору... – то ли ответила, то ли прокашляла Глэд, отводя свой взгляд в сторону.

Продавец был в восторге и разрешил даже не примерять остальное и выбрать что-нибудь для себя. Но Леон беспристрастно и неугомонно ворчал:

– Одели труп на 10.000 \$.... Его похороны и то стоили бы меньше...

Глэд выбрала себе платье, но чтобы не думать больше ни о чём пошлом и аморальном, даже не примеряла его. Леон же оделся, как подобает: костюм, рубашка, брюки, запонки, галстук, туфли, а на будущее купил пару джинс и лоферы.

После шопинга в первом магазине всеобразные консультанты вынудили их пройти и по всем остальным. Все трое вымотались, хотя Форд держался бодренько.

В итоге они вместе с покупками покинули здание. У выхода на лимузине их ждал надзиратель. Он забрал всех вместе с покупками, которые заняли половину внутреннего места машины. Когда они приехали в особняк, было уже полдевятого. Гарден проводил хозяина и гостей в их комнату, а после отнёс все купленные вещи в подсобку, где лежали поеденные молю грызть груды вещей с прошлых покупок. Подумав, он спустил тубик дихлофоса в помещение и плотно закрыл его на задвижку.

Леон спал без задних ног, а его сестра поспала только час от того, что ей ни с того, ни с сего приснилось, как она целует Форда в губы. А затем он говорит с ней.

– Я рад, что вы навели меня! – он гладит её по лицу своей нежной рукой – Я словно снова, как в молодости. Спасибо! Я так рад, что вы приехали ко мне в гости...

Внезапно она просыпается и пытается вспомнить, Форд ли ей снился... Голубые глаза, заменившие пустоту, словно придавали ему жизни. Это просто был её прадед, но вовсе не тот Форд, которого она видит тут, перед собой.

«А похож...» – подумала Глэд.

Одиночество и ненависть к самой себе терзали её. Необычные чувства для девушки среди ночи, но Глэдис опять взволновала тема того, что у неё так и не было второй половинки, все просто проходили мимо неё в течении всей жизни, будто она пустое место. А Форд, хоть и является пустым местом, окружён любовью и благоговейной нежностью. При этом и он, как кажется Глэд, к ней не равнодушен. Она считает, что это не самые дельные мысли, но даже брат её не воспринимает как женщину, хоть он и не должен, наверное, по этическим соображениям.

Глэд тихо заплакала, а потом ей почудилось, будто её кто-то обнял, и она перестала плакать и застыла на месте, сосредоточившись на этом чувстве, а потом тихо-мирно уснула.

Новое утро началось с испуганного крика петуха, оборвавшегося на середине. Эвансы проснулись и, не увидев Форда на месте, пошли на кухню, где и обнаружили его вместе с надзирателем, который стряпал для всех завтраков. Он решил приготовить куриный суп, но фермер не дал ему курицу из-за «малой численности», однако позволил забрать одного из трёх петухов. Глэд сказала Гленну, что станет вегетарианкой, если он ещё хоть раз убьёт живое существо. Он молча кивнул, стёр с лица пот, случайно испачкавшись кровью петуха, и продолжил готовить.

Эвансы расселись по своим местам. Минуту спустя Гленн убил муху, как только та села на стену, и мигом произнёс: «Не считается!». В ответ на что сестра начала показушно биться головой о стол, но никто не обратил на это внимания, от чего она обратилась к Форду, притворившись, мол он отвечает на её вопросы.

– Как вам спалось? Ой, мне тоже вы снились! А как вы считаете, мне идёт то платье, что я вчера купила? Да неужели? Вот так он вам и сказал? Кошмар! Больше делать там маникюр не буду!..

Мужчины косо на неё посмотрели, у Форда же по-прежнему нету глаз. Гленн садится ко всем, обещая, что через полчаса суп будет готов. Все молча сидят, а Глэд с улыбкой на лице смотрит на всех поочерёдно и хихикает.

– Сегодня я погуляю одна, мальчики.

– С чего бы это? – спросил её брат.

– Просто скучно с вами. Да и надо же о личной жизни хоть изредка думать.

– Хозяйка хочет найти кавалера? – иронично вставил надзиратель.

– Огрести в подворотне мисс захотела... – дополнил брат.

– Эх, мальчики, вам не понять. Я просто хочу побыть одна. В салоне красоты быть может засяду... – выкрутилась, кокетливо играя двумя пальчиками по столу, Глэдис.

– Если одна, то за свой счёт, – почти хором сказали мужчины

– У меня пока ещё есть деньги, не беспокойтесь, – подытожила красотка Глэд и ушла из комнаты.

Надзиратель с её братом пожали плечами и откушали уже готового супа. Сестричка вернулась.

– А где наши покупки, не подскажете? – встав в дверном проёме, спросила она.

– Я отведу вас, мисс... – надзиратель взял даму под руку и повёл её куда-то.

– А сестричка отчасти права. За твой счёт в сауну явно не сходишь... Разлагаешься на глазах, друг... – говорил Форду Леон. – Сложно строить планы, когда все мысли зациклились на водных горках... Может, в кино сходим, ммм?

Форд задумчиво промолчал...

– Ну, значит, договорились! – Леон улыбнулся и пожал костяную руку деда.

Он взялся за ручки коляски и поехал из дому, насвистывая что-то себе под нос.

Тем временем Гарден достал платье Глэд из громоздкой кучи... Оно всё ещё пахло дихлофосом, так как было в эпицентре вчерашнего разбрызгивания. Глэдис из вежливости поблагодарила надзирателя и пошла переодеваться. Когда она ушла, Гленн откашлялся и вновь закрыл дверь на засов. Глэд быстро переделась в своей комнате и, словно приведение, покинула дом.

Через некоторое время Гарден понял, что остался один, и, смирившись с этим, начал уборку.

Леон и Форд пошли в кинотеатр на фильм про зомби, они взяли себе сладкий и солёный поп-корн и колу, а после прошли в полупустой зал. Леон понимал, что после пьянки его счёт заблокировали, поэтому искал способы развлечься за счёт Форда так, чтобы к этому не смогли придаться. Он смотрел фильм и наконец-то был доволен тем, что не отказался до сих пор от завещания. Однако, фильм был вообще не страшный, страшнее было оглядываться на лицо Мистера Ганна в полумраке... Но даже это не спасло ситуацию, фильм был скучен и не страшен. Леон пошёл в туалет, так как колу взял и выпил тоже за двоих. Закончив, он поторопился обратно, но не заметил на своём месте Форда. Они сидели с краю, так как Леон не хотел перетаскивать Форда с коляски и обратно. Эванс запаниковал. Сердце забилося, как бешеное. Он бегал по всем рядам и извинялся, заглядывая под каждое сиденье. Нигде его не было. И вдруг он заметил коляску Форда возле экрана. Сам он был рядом, но сильно вонял, из его открытого рта вылетела мушка, и это изрядно покорежило Леона. Он посадил Форда обратно в коляску и пошёл гулять с ним «на воздух».

Глэд вошла в роль неприкаянного духа. У неё кружилась голова, эмоции были в некоторой степени подавлены, а лицо было бледным. Она направлялась в салон красоты, трепля себя мыслями, что она уродлива до той степени, что ни один нормальный человек не будет испытывать к ней чувств. Плакать не хотелось ничуть, но хотелось доказать для самой себя, что это всё глупые домыслы бурной фантазии...

Все смотрели на неё непонимающе, она по-своему, как и её братец, стала знаменита тут ещё до приезда, хоть все и скрывали это. Весь этот город существовал за счёт капитала Форда, вошедшего во внутренний оборот и практически не выходящего за его пределы. Суть была в том, что при существовании Форда не нужно было ни наличие банков, ни участие государства. Он заменял кислород для здешней экономики. О завещании знали все и не всем оно нравилось, однако большая часть горожан понимала, что жизнь города зависит только от такой формальности. Отчасти, все тут были соучастниками преступления, но даже такая афера не могла течь вечно...

Глэд встретили в салоне, как и кого-либо ещё другого. Форд здесь никогда при жизни не бывал, от того это заведение финансировалось равномерно самими жителями. Здесь не было понятия «особенный гость», хоть и были завсегдатаи... Однако новый их посетитель, только войдя в заведение, своим бледным как мел лицом воплотил это понятие в жизнь.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила первая попавшаяся работница заведения.

– Да, я хочу заказать СПА, массаж, шугаринг и записаться на посещение солярия. Я тут надолго, скорее всего, так как не хотелось бы стать блёклым пятном на глазах у прохожих. – Глэд улыбнулась и протянула несколько крупных купюр.

– Как скажете, мэм. Тогда, пожалуйста, пройдите в дверь слева, там вам окажут всю необходимую помощь.

– Спасибо.

Глэд улыбнулась, но в глазах её читалась грусть от того, что согласилась уехать их родного дома к чёрту на куличики, но тем не менее она прошла в указанную дверь и начала там свою жизнь с новой странички.

Леон продвигался по городу крайне медленно, так как одно колесо коляски было полуразвинченно каким-то или какими-то вандалами в кинотеатре. Впервые на Мистера Ганна некто отреагировал отрицательно. Это вносило некоторые сложности. Леону казалось, что неотъемлемая и логичная часть договора – общечеловеческий вид гниющего тела, однако он не видел реализуемых способов, чтобы прервать процесс разложения. Да и было понятно, что бальзамировать тут тело не станут, так как в таком случае не удастся так просто избавиться от него с Глэд. Прямо на слуху было что-то типа «бальзамировать живого человека? Вы с ума сошли?» и прочее... И действительно, что с ним сделать, пока он «жив»?

– Вам тут не рады. – голос раздался сзади, и Леон обернулся вместе с коляской. Перед ним стоял мальчишка лет десяти с насупленным выражением лица.

– Это ты мне? – с лёгким замешательством ответил Леон – Это ты столкнул моего деда с лестницы в кинотеатре, негодник?!

– Да, тебе. Уезжай со своей сестрой. Я ненавижу тебя! Пусть город развалится, если взрослые ничего придумать не могут! Вы никому не нужны тут! Если каждый бы тут ездил с усопшими, то тысячи гниющих тел стали бы нам роднее живых... Чтоб тебя!

Малой разрыдался и убежал прочь. Леон ничего толком не понял из монолога мальчишки, но ему было его жалко. Со вздохом он повернул вновь коляску и направился к дому.

– Не слушай его, дед. Я хоть тебя и плохо знаю, но все, вроде как, любят тут тебя. Так что не бери в голову, хорошо?

– Хорошо.

– Вот и славненько!

Леон и Форд двигались размеренным шагом, и в глазницах Форда, казалось, болтается мысль: «Как же зовут этого паренька?»

Гарден пересёкся с Глэд неподалёку от салона. Он стоял возле девочки, которая сидела верхом на лошади и явно хорошо его знала, и дружила с ним, однако появление наследницы их резко прервало, Гарден попрощался с ней, попросив передать привет «остальным». Девочка взяла вожжи крепче в руки, глянула в лицо Глэд и умчалась в даль.

– Чудная девочка! Помню, как в детстве я тоже училась верховой езде. Однако меня лошади как-то не любили, так что я училась не долго... – Глэд ненадолго умолкла и продолжила. – Вы знакомы, я ведь правильно поняла?

– Да, вы правильно поняли. Она хорошо катается на коне и в последнее время это чисто её заслуга.

– Что так?

– Став вашим надзирателем, я вынужден был покинуть своих подопечных. Не сделай я так, никакие отчисления в конный спорт не шли бы вовсе. А так наше дело живо. Хотя, многие без тренера ищут занятие более подходящее, но моя любимица тренируется каждый день в свободное для этого время.

– А как же её родители, они не следят за ней, что ли?

– Её мать оставила нас уже достаточно давно, а я встречаюсь по возможности с ней... Увы, но ночи ей приходится коротать наедине с самой собой...

– Простите. Неловко вышло... – Глэд замялась, почувствовав часть своей вины.

– Да нет, бывает. Мало кто вообще интересуется моей жизнью. Не встретить вы меня сейчас, скорее всего и не поинтересовались. Вот ваш дедушка... Он другой! – Гарден улыбнулся,

явно уплывая мысленно в прошлое. – Он для нас многое сделал, когда моя жена Маргарет покинула этот мир!

– Хорошо, что так. Расскажите мне поподробнее по пути домой?

– Да, конечно!..

Уставший квартет вновь собрался за одним столом, все думали о детях со своей точки зрения: как о противоборствующей стороне, как о давно минувшем прошлом, как о независимых и своенравных людях и как о своей ноше... Раздумья длились долго, и никто ни с кем не разговаривал, пока Глэдис не задала внезапный для всех вопрос:

– А у вас люди тут не пропадали никогда?

– Поясните?

– Ну, у вас были случаи, когда люди покидали город или по типу? Полиция тут следит за этим?

– Полиции у нас нет тут, но есть народное собрание, которое собирается раз в месяц, если ничего важного не случилось, – ответил надзиратель.

– Выходит, меры законности утверждаются населением? – спросил заинтересованный темой Леон.

– Да. Однако решения принимаются главами семей. В основном это мужчины, но и пара женщин есть, которые с остальными у нас более чем на равных.

– Тогда ясно, отчего парнишка тот так зол был... Ущемлять права по такому поводу, не каждый просто смирится, – пробухтел шепотом сам для себя Леон.

– Ладно, мальчики, я спать пойду!

– Спокойной ночи! – привычно отвалил Гарден. – А к чему был этот вопрос вообще?

– Да просто в голову вопрос попал, вот и задала. Спасибо.

После этого короткого разговора Глэдис действительно пошла спать, хоть только начало смеркаться.

Леон и Гленн остались на кухне и долгое время обсуждали что-то и изредка отрывисто смеялись. А Глэдис видела сны... Ей казалось, что она попала на необитаемый остров, к берегу которого прибило труп Форда. С этого момента она перестала любить фильм «Человек-швейцарский нож» и решила повеситься во сне, однако она не проснулась от этого и смотрела весь сон на море...

Посреди ночи Глэдис разбудил её брат, сообщая, что к ним ворвался незнакомец, утверждающий, что его сын пропал, отчего через пару часов будет организовано народное собрание для поиска беглеца. Глэд не поверила в реальность его слов, но тем не менее, надев халат, вышла в прихожую, где её ждали толпа незнакомцев и надзиратель...

– Это она. Думаете, ей что-то известно? Ну, спросила не к месту вчера, и что с того... – распылялся Гарден.

– Я в случайности и совпадения не верю, мой добрый друг. Что тебе известно, женщина? Куда бежал мой сын? – неизвестный был в замешательстве и готов был рвать и метать всё на своём пути, судя по его озлобленным глазам.

– Ну... Я только вчера первого ребёнка увидела, и это точно не ваш сын, так что сочувствую, но об этом мне ничего не известно... – прикрываясь, созналась Глэд.

– Так и знал... Гадёныш... Найду, больше из дома не выпущу! И недели не прошло с нашего голосования, как дети выбились из-под рук. Как знал, что так будет... – не унимался мужчина.

– Однако и ты, Марк, голосовал как все... – сказал Гарден.

– Знаю, знаю...

Леон подошёл с Фордом к говорящим и только хотел что-то сказать, как в дверь ворвался ещё один мужчина, сообщая, что люди уже собрались на улице. Это был тот самый человек в шапке-ушанке, но сейчас он был весь на эмоциях и выглядел совершенно трезво.

Глэд пришлось выйти к толпе в том, в чём она была дома, так как на поиски требовались все, и времени на раздумья практически не было. В ходе выяснилось, что сейчас только четыре часа утра, и даже солнце ещё не шибко-то собиралось вставать. Помимо этого, дул порывистый ветер, и температура была по ощущениям Глэдис градусов на двадцать ниже реальной, хотя никто кроме неё не был так легко одет и не разделял этих ощущений.

Толпа двинулась в город, а потом сама собой разделилась на кучи частей и разошлась в разные стороны на поиски. А всё ещё сонная Глэд осталась одна посередине города при восходе солнца, сжираемая холодом. Идти было не с кем, но отчего-то она не повернула домой, а двинула в сторону леса на юге города.

Немного погодя Леон осознал, что Глэд с ним нет, и отделился от группы уже на её поиски, однако тут же заблудился сам и стал вместе с Фордом бродить туда-сюда и звать на помощь.

Глэдис шла по глухому лесу и даже никого не звала. Она поняла, что не помнит, как зовут того мальчишку, и стала шептать в пространство отдельные фразы: «где ты, мальчик?», «знаешь, а тут холодно, как по мне... Давай ты найдёшься и мы пойдём ко мне греться?», «лучше бы спала себе дальше...», «ищу маньяка или других зверюшек, чтобы хоть как-то согреться», «не-не-не, мишка, это не тебе было сказано, повернись обратно!» и т. д. В итоге своих монологов она услышала детский плач и пошла в его сторону. Среди начавшегося бурелома сидел маленький парнишка с разодранным коленом и плакал, около него виднелись следы копыт, но лошади рядом не было. Глэд решила начать разговор, так как ей было очень некомфортно и хотелось уже избавиться от всего этого или, хотя бы, найти тапок, который застрял в грязи где-то пять шагов назад...

– Привет? Как тебя звать? Это ведь тебя ищут все? Твой отец... Дай вспомню...

– Дядя Марк. Он не мой отец... – со всхлипом сообщил юнец.

– Стой, а кто он тогда тебе?

– Он мой дядя, но после смерти отца, он мне его заменял, как мог. А не так давно мы сильно поругались, – из глаз мальчишки текли слёзы, а голос дрожал, как от обиды. – Он сказал, что я глуп и не понимаю ничего... Но они ничего и не объясняли. Взрослые просто сказали, что вместо Мистера Форда теперь будут новые люди, которые продолжат тратить его деньги, – мальчик давился слезами, но продолжал говорить. – Они не знают, куда пойдут эти деньги, и потому Мистер Форд будет всегда с ними.

– А чего в этом такого? – Глэд не понимала, что не устраивает мальчику, но хотела узнать не это, а скорее то, не подделали ли горожане завешание в свою пользу.

– Это глупо! Я ничего глупее в жизни не слышал! Мистер Форд был достойнейшим из известных мне стариков. Он следил за общим благополучием и наслаждался жизнью, а после его смерти пошли слухи, что он завещал жить вечно, дабы город жил с ним.

– Разве это не героизм в какой-то степени?

– Дай умереть, уходи...

– Эй!

– Оставь меня в покое, ты не понимаешь. И другие не поймут... – его тихий плач и надорванный голос говорили, что ему нужна помощь, чтобы разобраться во всём, но сам он вряд ли примет действительность. Глэд была очень счастлива, что малой не знает, что она одна из наследников.

– Так ты не объясняешь!

– А чего тут объяснять-то?

– А теперь говоришь, как все взрослые.

– Пойми же! Он был дорог нам всем! Всем без исключения! А теперь символ нашего города катается чёрт знает где и с кем, весь сверху донизу покрытый опарышами!

– Ну, если смотреть под таким углом...

– В общем, если хочешь помочь, найди обо что мне опереться и поковыляем в город. Ты, наверное, меня по следам лошади нашла... Если бы я не свалился, то фиг бы меня кто нашёл... – малец улыбнулся своей мысли, но всё же был рад, что его так быстро нашли. Ему было очень холодно и неудобно.

– Хорошо... Я что-то видела тут подходящее, сейчас найду, принесу.

Глэдис ушла на поиски подходящей для мальчишки ветки, но в первую очередь вернулась за своим тапком, где посеяла и второй, однако она уже перестала чувствовать холод и могла идти без них... Мысли её были заполнены теперь тем, что она поступила неправильно, поехав сюда. Думала она, как он станет к ней относиться, если узнает, что это о ней только что шёл разговор. Думала, «и где тебя только носит, брат?».

А он тем временем беседовал с Фордом, пытаясь у того выведать дорогу. Коляска быстро развалилась до конца, так как никто её ночью и не чинил, и пришлось тащить Форда на спине. Он как-то с сестрой смотрел фильм «Человек-швейцарский нож», а потому будто следовал сюжету фильма, пытаясь разговорить собеседника, и по чистой случайности уносил его ещё глубже в чашу леса...

Глэд нашла подходящую на роль трости-костыля палку и с ней поспешила к потеряшке. Они стали медленно идти в сторону города и вскоре наткнулись на небольшую группу, искавшую мальчишку. Люди эти были подготовлены ко всему и явно обладали щепетильным складом характера. Они оказали мальчику первую помощь, Глэдис отпоили тёплым чаем и одели по погоде, а в завершении всего отзвонились Гардену и сообщили, что нашли Глэдис с мальчишкой, договорились о точке сбора и стали вести жертв этого дня к ней.

Глэд была довольна, но крайне устала от всего произошедшего, от чего плелась и представляла молодого и красивого Форда. В сердце слегка щемило, но мальчик, который уже заснул у неё на руках, отказавшись от помощи остальных, не давал долго думать о чём-либо кроме него. Горячо прижимаясь к её груди, он будто слушал мелодию её сердца.

На площади в центре города все радовались воссоединению семьи, но тихо, про себя. Никто не хотел разбудить проказника громким возгласом. Глэд отдала дитё дяде, и счастливая пошла с Гарденом к себе в дом, продолжать спать. Гарден о чём-то с ней говорил по дороге и постоянно то ругал, то хвалил за её смелые, безрассудные и добрые поступки за это утро. Про Леона все забыли и тихо разошлись по домам, комнатам и кроватям, продолжив прерванный сон. А Леон тем временем:

– Ну же... Давай пресная вода... Выходи изо рта, как из кулера... Ты можешь, я знаю! Ну же! Чёрт. Друг мой... Видимо сегодня ночуем в лесу. Хотя, я ещё не пробовал тебя возбудить...

Не прошло и четырёх часов, как Глэд снова разбудили. На этот раз это был Гарден. Он говорил быстро и отрывисто, но общая суть складывалась так, что он не подумал выдать ни Глэд, ни Леону средства связи, а рация для связи с Фордом лежит на кухне, как ни в чём не бывало. Глэдис попросила выразиться понятнее, так как вообще всё прослушала, и услышала во второй раз четко и коротко, что её брат и Форд пропали. Глэдис очень хотелось послать Гардена, но тёплые чувства к Форду оказались выше эгоизма. И они вновь собрали группу, с которой уходили Леон и Форд, направившись все вместе в том же направлении. В этот раз волновались даже больше, так как речь шла о сохранности Форда, а, как следствие, и о сохранности города.

Леон уже спал тихим сапом прижимался к Форду. Он очень вымотался, бегая с ним по лесу. Однако сон нагнал его мгновенно. Во сне ему казалось, что ему не спится, в связи с чем он пытается продолжить общаться с Фордом, однако в этот раз он ему ответил...

– Не могу уснуть. Давай поговорим? – начал Леон.

– Давай.

– Не думал, что ты ответишь. Почему ты не помогал мне сегодня? Обидно немного.

– Прости, просто мне нужно время, чтобы привыкнуть ко всему этому. Мне кажется, я никому не нужен. Никто много лет не приезжал ко мне. Слишком долго я был один, но стоило мне умереть, заметь, немолодым, как появились вы.

– Да. Наш косяк. Но, поверь, мы даже что ты существуешь слыхом не слышали. Я бы хотел, чтобы всё было немного иначе, познакомиться с тобой на десятилетие раньше...

– Ты правда этого хотел бы? – Форд повернул голову к Леону и облокотился об руку, всматриваясь в его силуэт.

– Правда. Ты очень хороший, как мне кажется. Все о тебе очень хорошего мнения...

– Продажные суки.

– ...Даже дети!

– Даже дети?

– Да! Помнишь, мы домой возвращались, и по пути...

– Да-да-да. И я вспомнил, как его зовут. Клайд. Он почти беспризорник, так как его отец – дальнбойщик. Возит из больших городов сюда продовольствие. Мальчик растёт собственником. Сначала меня невзлюбил, при жизни, теперь ненавидит тех, кто «не даёт мне спокойно умереть». Забавный он.

– Не сказал бы, что забавный... С лестницы мог бы вас и не сталкивать.

– Вряд ли это он сделал, скорее просто присвоил это действие себе, зная, что настоящий вандал не объявится.

– ...И всё же он странный.

– Не страннее нас.

– ...

– Принесёшь мне попить?

– А тебе надо?

– От разговора в горле пересохло.

На этой фразе Форда Леон продрал глаза и, сверившись с уже практически севшим телефоном, пошел, водрузив тело на спину, на поиски воды.

В это время Глэд и Гленн с парой человек осматривали окрестности, где пропал Леон. В этот раз все были отлично подготовлены: были взяты и средства связи, и многое другое на случай долгих поисков. Минут через пятьдесят была найдена коляска, от которой змеился какое-то время след, затем перешёл во вдавленные в землю следы, а далее исчезал из виду. Вся команда пошла по следу.

Найдя небольшой источник, Леон усадил тело к ближайшему дереву и принялся пить воду. Он пил воду так жадно, словно ожидая, что вода резко перестанет течь. Он чувствовал на своей спине холодный взгляд Форда, но не хотел сознаваться себе в том, что уже дал обещание. Однако совесть взяла своё, и он, набрав полный рот воды, вернулся к телу, открыл ему рот, закрыл глаза и отправил мощную струю воды ему в желудок. И тут же услышал «Ещё...». Он осмотрелся, но никого, кроме трупа поблизости не было. И нехотя, ему пришлось поить своего мёртвого предка таким способом.

После десятого «глотка» Леон услышал благодарность от покойника и несколько, слегка «излишних», комментариев...

– Спасибо тебе. Жажда отступила. Моя беспомощность делает меня похожим на птенца, которого вскармливает мать. Твои тёплые губы без неприязни слились с моими, но ты закрыл глаза. Видимо, ты не первый раз целуешь человека...

– Я не целовал вас... М-мне вы не противны, не более. Да, я целовался раньше, было бы странно, если бы нет. Но сейчас я не целовал вас, а просто поил.

– Знаю. Но просто это мне напомнило тот опрометчивый поцелуй, который мне подарила моя возлюбленная на прощание. Я сейчас холоден, как лёд, отчего тепло вызывает дивные воспоминания.

– Вот как... И что же произошло у вас? Почему она покинула город?

– Она не хотела, чтобы я покидал город, а сама искала ответы на вопросы, которые себе задаёт каждый хоть раз в жизни. Я не знал, что она беременна, и ждал её возвращения. Но вместо него получил два письма. Одно – от неё, а другое – от врачей. Из первого я узнал, что она переехала к брату в штат Иллинойс, где занималась личной жизнью и его двумя детьми. Коротко дописала, что ждёт сына. Помню, это меня напрягло от того, что я тут, а она там... И ничем я ей помочь, увы, не смогу. Однако во втором письме говорилось уже о том, что моя возлюбленная Виктория покинула мир. Роды проходили тяжело и не удалось спасти ни её, ни ребёнка.

Леон, перебирая в голове слова Форда, обнял его и начал немного успокаивать.

– Тише, тише... Я чувствую твою боль... Прости, что напомнил.

– Ничего, всякое бывает. Любые воспоминания важны. А твоё тепло... Боже, знал бы ты, как мне приятно чувствовать тепло!

Леон обнял мёртвое тело сильнее и почувствовал, как его живот буквально вибрирует. Он посмотрел в глазные впадины Форда и сказал, не закрывая глаз:

– Любовь сильнее любого яда, а самое жуткое в ней, что она бьёт в самое сердце и не отпускает тебя до тех пор, пока ты не упадёшь беспомощной тушкой на землю и не станешь добычей для червей, пожирающих твою плоть.

– Первая часть мне понравилась... Что-то мне не по себе.

Форд упал, и из его рта и носа потекла вода и полезли опарыши из кишок, которых нечаянно смыло. Внук приподнял и оттащил деда от места, где бултыхались личинки.

– Ты как? В норме? Тебя тошнило сейчас...

– Да, в порядке, спасибо. Ух... Кстати, тебе не кажется, что мне стоит носить очки?

– Ну, если вам хочется, то почему бы нет?

– Не, я имею ввиду солнцезащитные... Чтобы отсутствие глаз не так бросалось... Ну, ты понял.

– Да, я вас прекрасно понимаю. Хорошо, как только найдём выход отсюда – обязательно купим.

Затем они сели под большим, раскидистым дубом и Леон начал петь какую-то песню, которую не то по радио, не то по телевизору как-то раз слышал. Он вставлял в неё свои слова и выкрикивал некоторые из них так, что эхо расходилось кругом, во все стороны.

Глэд и прочие спасатели бродили неподалёку, идя по путанному следу слетевшего с катушек Леона, пока не услышали вблизи голос недопевца. По нему они и вышли на парочку. «Певец» уже почти охрип, хоть и пел ещё совсем мало. После того, как его привели в чувства, их отвели обратно в город, где наконец-то дали отдохнуть и Леону, и Глэдису, и даже Форду, выглядевшему побито и устало. Только Гарден держался бодрячком.

На утро вся сонная троица сидела в кафе в солнечных очках и в убитом состоянии. Им хотелось сегодня отдохнуть, однако надзиратель сказал, что просто необходимо пойти к Миссис Руж, чтобы навестить её. Это была миловидная старушка, что держала при себе питомник

с кучей пресмыкающихся. Из домашних животных у неё был то ли змей, то ли змея, которую хозяйка звала Афиной. Судя по кличке – всё же девочка, но, по словам Гленна, от чужих уст змея отзывается на Аполлон, а вот хозяйке разрешает называть себя как угодно, а остальные в змеях были не сильны.

– А что, если змей...

– Змея...

– А что, если змея заползёт Форду в штаны?

– То у него будет на одного змея в штанах больше. – Глэд изобразила барабанную дробь.

– Нет, ну серьёзно! Как ты будешь вынимать её потом?

– Братик, я понимаю, ты не хочешь идти к сумасшедшей старухе со змеями, но пойми, что такие, как она, живут только за счёт посещения их нашим дедом... Мы сделаем небольшое пожертвование, попьём чай с печеньками и уйдём. – Глэд сделала глубокий вдох. – Помнишь, что я тебе рассказала из вчерашнего дня?

– Да...

– Так что не надо лишний раз провоцировать народ на нелюбовь к нам. Будем тихими, и ничего плохого не случится.

– Да, думаю, ты права!

Допив утренний кофе, троица двинула в сторону домика на отшибе.

Дом выглядел полузаброшенным и стоял на пересохшей земле, хотя не так давно шёл дождь. Глэд, уставшая от всего, от чего можно устать, стояла прямо перед дверью в хижину старой женщины и протирала свои глаза, не снимая с себя очков. Закончив, она позвонила в дверь. Тут же раздался топот на лестнице, ведущей на второй этаж.

– Иду-иду!

– ...Вот бы навернулась... – про себя бубнил Леон.

Дверь начали отпирать и слышны были щелчки одних засовов за другими.

– Сейчас-сейчас, одну минуточку! А хотя стоп...

Засовы снова начали щелкать, но в обратном порядке, после чего открылась заслонка посередине двери, куда глядели закрытые глаза дамы в годах.

– Кто вы?

– Мы...

– Мы дальние родственники вашего старого друга-Форда. – перебила Леона Глэд.

– Да, я то же самое сказать хотел... – проямлил Леон вслед.

– А с вами?..

– А с нами сам дедушка-Форд, однако он не в лучшем состоянии, признаюсь.

– Ах, как я рада! – заслонка снова открылась и стали вновь щёлкать один за другим засовы. – Сейчас, погодите... Вот!

Дверь открылась. За ней была пожилая женщина низенького роста, который был равен половине двери. Глаза у неё были всё время закрыты, но её это не то чтобы смущало, а даже наоборот. Она щурилась, морщилась и всматривалась, не открывая век, будто видит через них. Ориентировалась в доме она не хуже, чем игралась с веками. Только-только пропустив всех внутрь, она подставила маленькую лестницу к двери, забралась на неё, и вновь от и до закрыла дверь в прежней последовательности, обратно убрала лестницу, предварительно слезши с неё.

– За мной! – окликнула она гостей и пошла на второй этаж.

Пришлось объяснить, что Форд сейчас не в состоянии подняться наверх, чему она была не очень рада. В итоге, по её просьбе, Леон поднялся с ней наверх.

Второй этаж оказался на удивление убран и чист в отличие от улицы и первого этажа. Вскоре это объяснилось тем, что здесь находились террариумы и спальня самой Миссис Руж. Ей сполз на шею вальяжно удав, обвинив её пару раз и начав наблюдать за Леоном, который молча

смотрел в потолок. Как оказалось, он не очень-то любит змей, хоть и не пересекался с ними прежде. К его горю наверху были специальные бутафорные ветки, по которым могли ползать те самые змеи. Благо, Руж отвлекла его от всех наблюдений тем, что указала, какие именно бухгалтерские записи нужно взять с собой.

Леон взял бумаги, а старушка чернила с пером. Она писала таким способом, так как не хотела учиться другому, хоть от этого листы были пропитаны чернильными кляксами, словно склеены клеем. Весили они достаточно, чтобы раздавить любую змею, уронив на неё пачку.

Мисс Руж спустилась вместе со змеёй, постоянно глядя и называя её Афиной, Леон шёл за ней, стараясь не упасть и не уронить записи женщины на пол. Спустившись, Руж спросила Эвансов, какую же они хотят купить змею, из-за чего им пришлось подробно ещё раз повторить цель своего визита.

После получасовой лекции о том, что да как происходило после приезда в город, которую затеял Леон, Глэд обнаружила, что Мисс Руж спит. Будить её никто не осмелился и оба они решили отдохнуть. Эвансы тихо говорили между собой о том, стоит ли отсюда уезжать навсегда без денег, стоит ли начать новую жизнь, полагаясь только на приобретённый опыт. Глэд держала позицию, что надо сделать кого-то здесь новым наследником и свалить. И, возможно, добилась бы какого-то положительного решения со стороны брата, если бы ему вокруг шеи не обвилась змея.

– А-аа-аа-полон... С-слезь, дрянь! Ааааааааааа! – Леон сбил с себя змею, когда почувствовал движение её чешуек у своей шеи.

– Афина, ко мне. – проснулась старушка. – Моя красавица. Иди ко мне... Простите, ребят, что-то я прикорнула. Так что, говорите, вам надо?

– Мы хотели перевести на ваш счёт денег... – высказал, приходя в себя Леон.

– Что? – не поняла Миссис Руж

– Чек вам выпишем. – пояснила Глэдис.

Через три часа в том же утреннем кафе сидели все четверо. На Форде свисали три навязанные змеи, отчего Леон старался напиться до такого состояния, когда перестанет быть очевидным их наличие. Надзиратель контролировал процесс, а Глэд разговаривала с Фордом, пока какой-то незнакомцем считал, что разговаривают с ним:

– Ты такой молчаливый...

– Я?

– Просто тону в твоих глазах, ты так прекрасен!..

– Ой, ну что вы, не стоит. Вы чего-то добиваетесь же, верно?

– Кажется, сегодня ты по-особому благоухаешь.

– Эмм... А мы раньше встречались?

– Когда моё сердце останавливается, то, кажется, я слышу, как бьётся твоё.

– Да, что-то тут душно, вот сердце и колотится.

– А ведь когда я только приехала, ты был совсем другой... Как же время летит то...

– Прости, не помню, когда это произошло. Да и тебя.

– Мужчина! Хватит бубнить! Не видите, я с другом пытаюсь по душам поговорить?! Что за хамское поведение, в самом деле?!

Глэд взяла с собой Форда и оттащила его в другой край бара, где продолжила беседу с ним, а мужчина подсел к Леону и стал пить примерно в том же такте, чтобы понять, почему ему всё же так сильно не везёт с женщинами?..

После десятой стопки бурды от бармена незнакомец полез к Леону...

– А вы знаете, что она сейчас сделала? – показывает пальцем на Глэд.

– Что?

– Она кинула меня. Кинула и ушла с человеком, чья кожа холоднее её сердца...

– Вот оно что. Хе. А потом будет жаловаться, что мужчин у неё нет.

– Все женщины похожи. Только парни могут нормально дать и без пафоса сказать всё, как есть, если что...

– Что?

– Ну-у... Только мужская дружба существует. Понимаешь? Нет такого, чтоб кто кого взял и кинул после слов «тону в глазах твоих». Вот тебе такое говорили?

– Нет.

– И мне нет. Ну, то есть говорили, но вон где она теперь... Не в моих глазах... А если бы парень сказал? Да он бы от всей души бы! Он не ляпнул бы просто так.

– А тут змеи не расплозились, не в курсе?

– Да тут сплошные змеюки подкожные!

– Не-не... Я о змеях того вот вон человека. – показывает пальцем на Форда.

– Да с ним его змеюка! А что у него их несколько.

– Недавно было три.

– Ловелас чёртов! Тьфу!

Незнакомец ушёл, оставив Леона одного клевать носом в двадцать опустошенных рюмок.

В это время Глэд наконец заметила, что на Форде больше нет змей, чего сильно испугалась и вывезла его на улицу, чтобы осмотреть его на наличие змей в штанах.

В линзах солнечных очков отражалось наслаждение. Форд будто улыбался. Он – один из немногих, кто был полностью уверен в том, что мёртв. Да, как ни странно, **уверенность** не смыть остановкой сердца или чем-то подобным, а обратно тому можно лишь подчеркнуть и увеличить на пару кеглей. Любой человек в здравом рассудке и вовсе без рассудка может понять, что тело, делающее всё якобы по своей воле, может быть заложником совершенно любых обстоятельств.

Форд провёл этот день примерно так... Сначала его привели к бывшей хозяйке зоопарка, с которой он был в тёплых отношениях до того, как у неё состоялся роман с герпетологом. Далее вынудили отдать ей деньги на развитие её безумия и приобрести у чокнутой трёх змей. Потом его родственники долго думали, где оставить змей, катаясь на виду у всех, после чего завели в тот же паб, что и первый раз ничем шибко не отличился. К большой неожиданности в пабе молодая родная кровинушка стала подкатывать в то время, как одна из трёх змей выпустила свой яд ему в бедро и траванулась в последствии грязной, как гнойная язва кровью. Остальные змеи почувствовали вкус свободы и просто расплозились. Перемещение в угол бара, а потом на улицу. И... О Боги, что ты творишь, женщина?!

А Глэд тем временем творила следующее. Она осматривала в подворотне тело. Ощупывала его от и до через снятую с тела куртку. От нервов она тут же взмокла. Как только она нашла мёртвую змею, то на треть успокоилась. Далее она услышала крики в баре и рванула к дому, забыв про брата и Гардена.

Леон уже спал, окруженный нимбом из пустых стопок на барной стойке. Н же ушёл ещё пол часа назад, как увидел в незнакомце помощника и дал ему знак, чтоб проследил за Леоном. Сам незнакомец же и оказался тем, кто обнаружил уползшую змею. В этот же момент весь алкоголь выветрился из его идеальной головы, а он вспомнил, что это очень опасный вид змеи, чей яд парализует всю нервную систему. Он сиганул прям в окно, прокляв этот паб и этот день.

Опустел почти весь паб, после чего стало очень тихо. Змеи же просто уползли в сторону леса. А в пабе остался только бесстрашный люд, который не разбудил бы и взрыв за стеной... Среди таких как раз и оказался Леон. И ему снился сон...

Одним жарким летом с десятков лет тому назад в лагере «Утренний просвет» открылся новый сезон. Леон Эванс был среди десятков детей из других городов, а его сестрёнка Глэдис тем летом сильно приболела свинкой, которой переболели все её одноклассники, из-за чего

осталось дома с родителями, которые были крайне строги к ним обоим. Так строги, что оба они переписывались только с 16:00 до 18:00, а после у Глэдис отбирали телефон, заставляя делать уроки, которые, по факту, никогда им не задавались. Однако, если все уроки будут сделаны, то не избежать работы на улице и похода в воскресную церковь.

Так что брату этим летом повезло куда больше! Даже не смотря на то, что это был особый, приходской лагерь, всё равно тут не было столько правил, сколько было дома. И даже больше того, там была его одноклассница Пегги Лой, в которую он был страстно влюблён. Он был единственным её знакомым в лагере, чему она была безумно рада. Они тут же сблизились и стали куда больше общаться, узнавать друг друга...

После этого лета они стали парой в своей школе и долго встречались до тех пор, пока она не появилась на выпускном с католиком по имени Джек. Все были в курсе, что Леон и Глэдис год как не вместе. Все, кроме Леона. Он и в этот раз не поверил произошедшему и пошёл гулять по улице, пытаясь забыть о случившемся. У него не вышло, и он решил напиться. Он пил первый раз в жизни и не знал меру, отчего произошедшее реально стёрлось из памяти. Вместо этого он вспоминал давно забытые сцены из прошлого, где отец бил их мать, показывая, кто главный, унижает его перед сестрой, и наказывает его за то, что тот подсматривал, хотя это и не так.

Это всё снилось ему. Слова незнакомца тронули его, хоть он и не хотел это признавать на уровне сознания, когда подсознание уже взвыло от боли. Да и давно он не напивался так же, как в ту ночь...

Проснулся Леон от того, что его трясла Глэдис, спрашивая «всё в порядке?», «ты меня слышишь?». Последовала пара ударов по лицу.

– Нет, пап не бей, перестань...

– Сука, сколько же ты выжрал, негодяй? Меня с отцом путаешь. Это явно что-то новое. Ну, хоть в себя пришёл... – она встала и пошла советоваться с местным врачом, который согласен проводить отрезвительные операции только в присутствии Форда, поскольку своих денег у них уже практически нет, а страховка Леона истекла.

– Где? Где Глэдис? Скажи, где она.

– Плохо дело... – Глэд отняла телефон у Леона, отдав врачу, о чём-то договорилась с ним и снова вернулась к братцу.

– Ты лежи тут. Я сейчас привезу Форда, и мы всё уладим. Хорошо? – Глэд было жалко братца, так как его детство было не лучшим по меркам подростка. Все нападки их отца доставались ему, из-за чего она чувствовала свою причастность к его состоянию сейчас.

– Где мы?

– Мы почти что дома...

Первые сутки в больнице дались тяжело. Да и соседом был только Форд. Леон же снова забыл большую часть произошедшего. Не помнил, как попал сюда, но наконец-то был спокоен. Подавленность тихо прошла, да и Глэдис с Гленном стали навещать его. Было интересно смотреть местные передачи. Вообще удивительно, что здесь есть журналисты, но они ни разу не встречались с ними. Это явно было специально. Зато Леон не слышал чего-то и без того ему известное. Хотя, передачу про буйство в местном пабе, куда забрела змея он посчитал знакомой.

Лежать под капельницей вообще достаточно скучно. Не знаешь, как там на улице, а если и знаешь, то проверить в любом случае не сможешь... А ещё телефон ему так и не вернули. От скуки он начал играть в словесные игры с Фордом, делиться историями с ним и представлять, что мистер Ганн ему отвечает. Персонал почти не заходил к ним за чем-либо, кроме как за уходом за пациентами.

Однако Глэд и Гленну было куда скучнее... Без Форда их смысл несколько утерялся, и они тупо разбирали чердак первую половину дня, а вторую половину Гленн учил Глэд кататься верхом, параллельно наблюдая за успехами дочери и некогда сбежавшего мальчика. Хуже всего получалось у Глэд, хоть та и уверяла, что уже каталась на лошадях в детстве.

– Возможно ты отчасти опустошен, но я чувствую нашу близость. Да, я не помню целый день, но день с тобой в лесу я не забыл. Он засел в моей памяти крепко. – Леон смотрел на люминесцентную лампу так, словно обращался к ней, пока она подмигивала в такт шуму телевизора. – Для меня ты нечто большее чем родственник. Ты дал мне свободу выбора. Показал мне жизнь! Без тебя я был бы тем, кем быть непростительно. Человеком, пытающимся жить так, как одобрил бы грёбанный отец!.. Эх... Я устал, и ты это понимаешь... Не зря мы вдвоём оказались здесь. Кто знает, к чему это приведёт?!

За шторой, где лежал Форд слышались движения. По тени было видно, что он сел и положил руки себе на колени. Леон посмотрел на него, дожидаясь ответа. Посмотрел глазами, полными надеждами на силуэт за ширмой.

– Да... Да, так оно и есть, что всё взаимосвязано. Помню как-то давно меня укусила змея в бедро, после чего меня привезли в больницу, где мне довелось поговорить с тем, кто видел во мне отца. Он думал, что я лучше, так как могу защитить, не лишая свободы выбора. Мы с ним вместе вышли из больницы и долго были вместе. Он дал мне жизнь, а я стал ему, как отец...

– Не продолжай, пожалуйста.

– Почему же? – силуэт отдёргнул ширму. Глаза Форда были вновь на своём месте, но казались слепыми, они смотрели словно сквозь Леона, но Форд очень тепло улыбался. Его губы были нежны, как губы отца, что укладывает ребёнка спать, но при этом не казалось, что он куда-то уйдёт, поцеловав в лоб на ночь.

– Я не хочу слышать, как вы расстались.

Глэд быстрее остальных устала от катания верхом, так как не привыкла к этому. Она оставила Гардена и направилась к дому, где были готовы с вчерашнего вечера жаренные картошка и окорочка. От свежего воздуха у неё немного кружилась голова, но, в целом, чувствовала она себя лучше, чем в прошлые дни.

Она шла неспешным шагом по бетонным плиткам уверенной походкой и дошла бы до дома за пятнадцать-двадцать минут, если бы не отвлеклась на прерывистые крики со стороны леса. На первый крик она не обратила особого внимания или не придавала значения, услышав крик, вмиг утихший, она остановилась, сочтя это странным и отчасти преступным, в третий раз она была уверена, что кричат в лесу, и это скорее всего маленькая девочка, зовущая на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.